

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ НАЦИИ *

С. С. Дмитриев

Проблемы образования и развития русской нации еще не получили в нашей литературе должного освещения. Многие стороны этих проблем нуждаются в разработке. Часто социально-экономический, политический и культурный облик нации, свойственный ей в условиях монополистического капитализма, считают характерным для нее в течение всего периода буржуазного развития данного общества. Некоторые авторы в понятие «буржуазная нация» включают только класс буржуазии. Нет еще среди историков вполне устоявшегося общепринятого мнения по вопросу о времени образования русской нации, конкретных исторических условиях и обстоятельствах этого образования.

Дореволюционная историческая наука не оставила советским историкам никакого наследства по вопросу об образовании русской нации, кроме идеалистических рассуждений о национальном вопросе и национальных движениях¹. Правильное, всестороннее освещение проблем образования и развития русской нации требует проведения большой исследовательской работы в области экономической, социальной, политической и культурной истории СССР, истории русского языка. Выполнение такой задачи может быть достигнуто лишь усилиями больших научных коллективов, трудами многих ученых².

Главной целью нашей работы является рассмотрение того, как и когда образовалась буржуазная русская нация, какие черты характеризовали ее в период образования. В конце статьи очень сжато наметим главные исторические этапы ее развития до времени образования современной социалистической русской нации.

Образование русской буржуазной нации составляет первую, начальную часть общей проблемы истории русской нации. Образование и развитие нации следует рассматривать как процесс возникновения и развития сложного социального явления, особого вида устойчивой, исто-

* Помещая статью С. С. Дмитриева «Образование русской нации», редакция приглашает читателей высказаться по затронутым вопросам, нуждающимся в дальнейшей исследовательской разработке и обсуждении.

¹ См., например, А. Д. Градовский. Соч. Т. 6. СПб. 1901 (особенно «Национальный вопрос в истории и литературе». 1871—1873 гг.; «Национальный вопрос». 1876 г.); Вл. С. Соловьев. Соч. Т. 5. СПб. 6. г. и. (особенно «Национальный вопрос в России». 1883—1891 гг.); В. П. Даневский. Система политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи. М. 1882.

² См. работы советских историков: А. М. Панкратова. Великий русский народ. 2-е изд. М. 1952; Е. Косминский. К вопросу об образовании английской нации. «Вопросы истории». 1951, № 9; И. С. Миллер. К вопросу о формировании польской буржуазной нации. «Вопросы истории». 1952, № 7; А. Д. Люблинская. К вопросу о развитии французской народности (IX—XV вв.). «Вопросы истории». 1953, № 9; Е. В. Ефимов. К вопросу об образовании китайской нации. «Вопросы истории». 1953, № 10; М. Г. Вахабов. О формировании узбекской буржуазной нации. «Вопросы истории». 1954, № 7.

В основе настоящей статьи лежат некоторые положения и материалы доклада автора на историческом факультете Московского университета 12 марта 1955 года.

рически складывающейся общенародной общности людей, включающей в себя в классовом обществе все его классы и социальные слои, со всеми присущими им противоречиями и борьбой. Нация имеет свою историю, свое начало и свой конец, писал И. В. Сталин, уделивший много внимания разработке национального вопроса³. Так обрели свой конец русская, украинская и некоторые другие буржуазные нации. На смену им пришли соответствующие социалистические нации.

Образование нации — процесс более или менее длительный. Так, образование английской нации, по мнению Е. А. Косминского, происходило с конца XV по XVII в., образование французской нации, по мнению А. Д. Люблинской, — в XVI—XVIII веках. Складывание людей в нацию происходит обычно в последний период существования феодализма в данном обществе, когда начинается его переход от феодализма к капитализму. К эпохе полной победы капитализма, эпохе, которую можно назвать кануном краха капитализма, относится появление того конкретного социально-политического облика, какой типичен для буржуазной нации в условиях капиталистической формации.

Главные этапы в истории буржуазной нации в основном генетически соответствовали двум эпохам развития капиталистических отношений в данном обществе. Эти этапы, подобно двум эпохам в истории капитализма, «не отделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями»⁴.

Процесс образования нации относится к определенной исторической эпохе. Нация как исторически сложившаяся устойчивая общность людей возникает на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни, общности психического склада, пронизывающегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Только при наличии общности всех четырех признаков нации можно говорить об ее образовании.

Понятие «нация» обнимает все классы, социальные слои и сословные группы данного общества: нация — явление общенародное. Это обуславливает внутренне противоречивую природу единства нации, его условность на всем протяжении существования буржуазной нации. В буржуазную нацию входят разные классы: и эксплуататоры — феодалы, купцы, буржуазия, и эксплуатируемые — крестьянство, пролетариат. Непримиримые классовые противоречия разъедают единство буржуазных наций в эпоху победившего капитализма. Но, несмотря на внутренне противоречивую природу такой общности, как нация, известно, что, образовавшись, она обладает большой и длительной устойчивостью.

Совокупность таких признаков нации, как язык, территория, культурная общность, развивалась постепенно, еще в докапиталистический период. Русский народ обладал определенной общностью языка, устойчивой общностью территории, наконец, известной культурной общностью уже в XIV—XV веках.

Говоря об устойчивой общности территории, следует понимать под ней не государственно-политическое единство этой территории, а исторически устойчивое пребывание именно на данной территории основных масс данного народа. Однако отсутствие развитых хозяйственных связей населения в пределах этой территории, устоявшихся и общепризнанных национальных экономических и культурных центров ясно свидетельствует о том, что в эти столетия еще не существовала общность, которую можно было бы признать национальной общностью русского народа. Такие города русской земли, как Москва, Псков, Великий Новгород, Смоленск, Тверь, Рязань, Вятка, носили на себе печать своеобразия, присущего феодальным землям. Успешно осуществлялось политическое объединение этих

³ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 297.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 373.

земель, но отсутствовало еще экономическое и культурное единство. Отсюда существование областных литератур, различных школ и стилей в древнерусской живописи и архитектуре.

Когда же в процессе складывания национального рынка стала постепенно изживаться хозяйственная раздробленность в жизни русского общества, когда появились национальные экономические и культурные центры и развивающиеся национальные узы скрепили в одно целое отдельные, своеобразные и самостоятельные прежде земли, тогда русская народность начала превращаться в нацию. Тогда уже в общественном сознании отмечалось не своеобразие городов и земель, а их сходство. Тогда возникли известные народные присловья, свидетельствовавшие о том, что народ воспринимал каждый русский город как частицу Москвы — бесспорного главного национального экономического, политического и культурного центра всей России (присловья типа «Ярославль-городок — Москвы уголок»).

Изучение проблемы образования русской нации затрудняется недостаточной изученностью проблемы народности. Каковы признаки народности? Нельзя признать правильным определение народности как устойчивой общности людей, характеризующейся теми же признаками, что и нация, за исключением общности экономической жизни. Такое определение не может удовлетворить, потому что, во-первых, общностью языка, территории и психического склада обладает и такая форма людской общности, как племя; во-вторых, наличие некоторых экономических связей характерно для любой социальной общности. Советские историки (А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков и др.) много сделали для выяснения истории восточно-славянских и древнерусских племен, а также обстоятельств образования древнерусской народности. В настоящее время разрешаются проблемы образования и развития русской и других буржуазных наций в России. История же русской народности еще ждет своего изучения.

Социально-экономические предпосылки образования русской буржуазной нации были в общем такие же, как предпосылки образования буржуазных наций в Западной Европе. Но при единстве общих социально-экономических предпосылок в образовании русской нации имелись и некоторые существенные особенности, отличавшие этот процесс от процесса образования наций в Западной Европе. В. И. Ленин отмечал, что разные страны отличаются быстротой национального развития⁵. Ранее и более быстрое развитие капиталистических отношений способствовало тому, что наиболее старые нации Западной Европы сформировались в период образования там централизованных феодальных государств. Складывание нации, таким образом, нередко совпадало здесь со складыванием национального государства. Так было в Англии и Франции. Английская и французская буржуазные нации образовались в рамках феодальных государств, которые до известной степени конституировались как национальные государства — королевство Англии и королевство Франции.

В Восточной Европе появление централизованных феодальных государств предшествовало во времени процессу складывания людей в нации. Здесь образовались централизованные феодальные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации. Эти народы оказались объединенными в составе общего феодального централизованного государства.

Русское государство возникло во второй половине XV века. Это было именно Русское государство, ибо русский народ составлял основную массу его населения, русские земли составляли основу его территории, язык русской народности был языком русской государственности. Несмотря на то, что с самого начала в это государство входили и некоторые нерусские

⁵ Там же.

народы Севера (коми, карелы), оно по праву воспринималось современниками как Русское государство. У русских (великороссов) национальное оформление наметилось раньше и протекало быстрее, чем у других народов, входивших в состав возникавшего централизованного государства. Нерусские народности, находившиеся на территории Русского государства, стояли на значительно более низком уровне социально-экономического и культурного развития, нежели великороссы. Имея крупную социально-политическую силу в лице дворянства, русские оказались в состоянии взять на себя роль объединителя других народов в составе Русского государства.

Наличие или отсутствие государства само по себе не является признаком нации. Однако возникает вопрос, имело ли значение существование государства данной народности для последующего процесса образования соответствующей нации. Постановка этого вопроса представляется вполне правомерной, особенно в связи с тем, что до сих пор не изучались роль и значение политических предпосылок образования русской нации. При рассмотрении проблемы образования русской нации преимущественное внимание уделяется выяснению социально-экономических условий ее образования, что вполне оправдано. Такие элементы будущей русской нации, как язык русской народности, основная территория и культурная общность, присущие именно данной народности, оставались лишь элементами будущей нации до той поры, пока они не были прочно скреплены развивавшимся единством экономической жизни, национального рынка и когда можно уже было говорить о появлении русской нации. Поэтому вполне закономерно внимание к экономическим вопросам при изучении проблемы образования русской нации. Но все же это не освобождает нас от необходимости изучать также и политические предпосылки образования нации.

Существование или отсутствие государства у данной народности имеет существенное значение для образования и развития соответствующей нации. Это хорошо показали Е. А. Косминский в статье об образовании английской нации и А. Д. Люблинская в статье о развитии французской народности как ближайшей предшественницы французской нации. Наличие государства существенно облегчает и ускоряет процесс образования нации, и, наоборот, отсутствие государства затрудняет и осложняет этот процесс. Так, длительное отсутствие единого централизованного государства наряду с другими причинами было одним из серьезных препятствий на пути образования буржуазной немецкой нации. Обстоятельства, помешавшие возникновению и укреплению централизованного государства у польской народности, приведшие затем к распаду и исчезновению Речи Посполитой, крайне замедлили и осложнили процесс образования буржуазной польской нации.

Возникновение Русского государства значительно облегчило и ускорило последующий процесс образования русской нации. Это государство возникло в то время, когда не только Россия, но и вся Восточная Европа еще не вступила на путь капиталистического развития.

В ходе возникновения и развития Русского государства была постепенно ликвидирована феодальная раздробленность в политическом строе страны. Только преодоление феодальной раздробленности, княжеских неурядиц и феодальных войн могло создать предпосылки для развития общности экономической жизни, обеспечить благоприятную обстановку для экономического и культурного развития русской народности. На основе экономического и культурного роста создавались объективные условия для оформления народности в нацию.

Формирование этих условий пошло более быстрыми темпами в XVI в., применительно к которому наша историография обычно говорит уже о Русском многонациональном централизованном государстве. «Многонациональное» означает в данном случае состоящее из нескольких на-

родностей (национальностей, применяя термин «национальность» как равнозначный термину «народность»). Самой развитой в экономическом, политическом и культурном отношении народностью этого государства была, бесспорно, русская народность, и то, что многонациональное государство было именно Русским государством, обеспечивало русской народности более благоприятные условия для оформления в нацию.

Присоединение к Русскому государству Казани, Астрахани, Поволжья, Приуралья и Западной Сибири во второй половине XVI в. существенно расширило возможности развития и роста русской народности, ее консолидации в нацию. Это присоединение имело также прогрессивное значение для народов присоединенных земель, так как избавляло их от гнета татарских феодалов, от затянувшегося состояния феодальной раздробленности и феодальных распрей. Присоединение к Русскому государству обеспечило этим народам несравненно более благоприятные условия развития, нежели те, какие имелись у них под властью татарских ханств. В то же время нельзя не отметить, что угнетение нерусских народностей русским царизмом и русскими феодалами мешало последующему оформлению этих народностей в нации.

Отмечая серьезное положительное значение Русского феодального государства как важного политического условия, содействовавшего процессу образования русской нации, следует помнить, что позднее это же государство вопреки интересам национального развития отстаивало своекорыстные, узкоклассовые притязания крепостников, подавляло все передовое и прогрессивное и тем самым ослепляло и замедляло развитие русской буржуазной нации.

Недостаточная изученность экономической истории Русского государства в XVI в. не позволяет конкретно представить социально-экономические условия, непосредственно предшествовавшие постепенному оформлению русской народности в нацию. Между тем XVI век, видимо, имел большое значение в подготовке этого процесса. Если XIV и XV века были временем существования русской (великорусской) народности, то XVI век, по нашему мнению, был тем веком, когда уже давно сложившаяся русская (великорусская) народность непосредственно приближалась к полосе своего оформления в русскую нацию.

Процесс образования русской нации определился лишь в XVII веке. Общеизвестны мысли В. И. Ленина о новом периоде русской истории, начавшемся примерно с XVII века. Эти мысли были приведены и развиты И. В. Сталиным в 1929 году в работе «Национальный вопрос и ленинизм»⁶. Многие историки СССР склонны связывать с XVII в. начало складывания русской нации⁷.

Важнейшим новым явлением в экономической жизни России, которое ярче всего характеризует XVII в. при сопоставлении с предшествующим временем, является фактическое слияние прежних областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это, писал В. И. Ленин, «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса

⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137. См. И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336—338.

⁷ Это положение недавно было воспроизведено в книге «Исторический материализм». Под общей редакцией Ф. В. Константинова. Госполитиздат. М. 1954, стр. 276. См. также суждения о значении XVII в. в истории России в следующих работах: Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории». 1949, № 11 и 1951, № 1; К. В. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории». 1949, № 11; Е. И. Заозерская. К вопросу о сущности и основных этапах «нового периода» в истории России. «Вопросы истории». 1951, № 12.

были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»⁸.

Было бы ошибочно представлять себе процесс усиливавшегося обмена, постепенного роста товарного обращения, концентрирования местных рынков в один всероссийский рынок как процесс, завершившийся в хронологических рамках XVII века. Нет точно так же оснований представлять складывавшийся в XVII в. всероссийский национальный рынок как внутренний рынок развитого капиталистического производства, ибо феодальная земельная собственность продолжала оставаться основой феодализма на Руси, а широкие массы непосредственных производителей все еще находились в феодально-крепостной зависимости. Основой складывавшегося национального всероссийского рынка XVII в. было не капиталистическое производство, а успешно развивавшееся товарное производство, обслуживавшее еще феодализм. Значительный рост товарно-денежных отношений в Русском государстве XVII в. хорошо и всесторонне показан в многочисленных исследованиях русских, особенно советских, историков. Базировался же этот рост товарно-денежных отношений на развитии простого товарного производства, на превращении мелкого производителя в товаропроизводителя. Представляются обоснованными критические замечания А. М. Панкратовой в отношении тех историков и экономистов, которые склонны усматривать за ростом товарно-денежных отношений прямое зарождение и даже заметное развитие капиталистического производства в России⁹. Капиталистического производства как вполне определившегося самостоятельного элемента общественного производства в то время в России еще не было, хотя бы потому, что основное средство производства — земля являлась феодальной собственностью, кроме того, происходило дальнейшее распространение крепостного права на новые районы страны. По подсчетам В. О. Ключевского, основанным на сообщениях Котошихина и данных указов 1686 и 1687 гг., 89,9% всех тяглых крестьянских дворов принадлежало разным видам феодального землевладения (дворянскому — 57,0%, церковному — 13,3%, боярскому — 10%, дворцовому — 9,3%)¹⁰. При таком положении рынок наемной рабочей силы развивался очень медленно. Превращению рабочей силы в товар препятствовали господствовавшие в стране феодально-крепостнические отношения. Конечно, простое товарное производство и его спутник — товарное обращение — являются первоначальной основой, необходимым условием для развития капиталистического производства и буржуазных отношений. Товарное производство в России XVII в. еще обслуживало феодализм, но его развитие в это время непосредственно примыкало к последующему его развитию в середине и второй половине XVIII в., когда не подлежит сомнению появление капиталистического уклада.

Развитие экономического единства и товарно-денежных отношений в феодальной России XVII в. проявилось в успешном перерождении ремесла в товарное производство. Русские ремесленники работали и на заказ и на рынок, но к концу XVII в. заметно усилилась работа на рынок. Выросла роль скупщиков в развитии ремесла. Через скупщиков в рыночный оборот втягивались не только ремесленники посада, но и деревенские крестьяне-кустары¹¹. В самом конце века в некоторых ремеслах стали

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137—138.

⁹ А. М. Панкратова. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. «Вопросы истории». 1953, № 9, стр. 68—69, 70, 76.

¹⁰ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Т. 3. М. 1918, стр. 293.

¹¹ Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. «Исторические записки». Кн. 34. М. 1950, стр. 197; В. И. Шунков. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг. «Исторические записки». Кн. 5. М. 1939; М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР. Т. 1. Госполитиздат. М. 1948, стр. 176; П. П. Смирнов. Московские ткачи XVII в. и их привилегии. Ташкент. 1928; Е. М. Тальман. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. «Исторические записки». Кн. 27. М. 1948; В. И. Троицкий. Организация золотого и

появляться отдельные элементы капиталистического производства. В сельских местностях отдельные села и даже волости целиком специализировались на тех или иных видах кустарных промыслов. В селе Павлове на Оке развивалась металлообрабатывающая кустарная промышленность на основе добычи местной железной руды. Село Лысково на Волге стало известно своим полотняным промыслом. В Туле успешно развивалось производство оружия. В разных областях Русского государства развивались кожевенные, деревообделочные и полотняные промыслы. Рост кустарных крестьянских промыслов создавал основу для последующего возникновения капиталистической мануфактуры в сельских местностях центральной России.

Появление первых русских мануфактур как промышленных предприятий прежде неизвестного на Руси типа было новым явлением в экономической жизни страны. Нет основания видеть в появлении этих мануфактур доказательство возникновения капиталистического производства в России едва ли не с 30-х годов XVII в. и трактовать это явление как начало мануфактурной стадии развития капитализма в промышленности. Но исследователи мануфактур XVII в. правильно отмечают появление к концу XVII в. на некоторых русских мануфактурах зачатков производства капиталистического типа. Строительство железоделательных заводов в районе Тулы, в Кашире и других местах, появление кожевенных, стекольных и писчебумажных заводов свидетельствуют о больших успехах в развитии крупного товарного производства. Эти мануфактуры главным образом обслуживали нужды казны, но часть их изделий поступала и на складывавшийся национальный рынок. К мануфактурам тяготели по своему типу и те промышленные предприятия, которые организовывались, например, торговыми людьми Светешниковыми в Приволжском Усолье Самарской Луки, или купцом Панкратовым на Сереговских промыслах в Поморье, или Гурьевыми на Яицких промыслах¹². Намечалось сближение и слияние старого, средневекового русского ремесла и мануфактур. Развитие экономического единства и рост товарно-денежных отношений ярко проявились в установлении прочных и постоянных связей между областными, местными рынками, которые стягивались в единый всероссийский рынок. В орбиту действия всероссийского рынка были вовлечены не только старые русские области, но и земли Заволжья, Приуралья и Сибири, земли по среднему и нижнему Дону.

Москва приобрела общепризнанное значение главного экономического центра этого национального рынка. Развитие ремесла и заведение мануфактур делали ее уже не только торговым, но и общим национальным экономическим центром Русского государства в XVII веке. Псков, Новгород, Ярославль, Нижний Новгород, давно утратив бывшее своеобразие местных феодальных центров, становились, подобно Москве, хотя и в

серебряного дела в Москве в XVII в. «Исторические записки». Кн. 12. М. 1941; А. А. Якобсон. Ткацкие слободы и села в XVII в. М.-Л. 1934; М. В. Довнар-Запольский. Организация московских ремесленников в XVII в. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1910, № 9.

¹² С. В. Бахрушин. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. «Исторические записки». Кн. 8. М. 1940, стр. 98—128; С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодальный период (1500—1860). М. 1954; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Т. 1. М.-Л. 1949; Е. И. Заозерская. Список мануфактур, возникших при Петре I. «Исторические записки». Кн. 19. М. 1946; Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостиный сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. Сборник «Петр Великий». Т. 1. М. 1947; А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича, изд. 2. М. 1937; Г. А. Новицкий. Из истории насаждения суконных фабрик в XVII в. «Труд в России». Л. 1924, № 2; его же. Первые московские мануфактуры XVII в. по обработке кожи. «Московский край в его прошлом». Ч. 1. М. 1929; А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М. 1930; «Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII вв.». М. 1928.

гораздо более скромных масштабах, национальными центрами экономической жизни страны¹³.

Многие посады, села, погосты по интенсивности развития в них промыслов и торговли, по сосредоточению в них купцов и ремесленников фактически становились торгово-ремесленными центрами типа городов, хотя по традиции долго еще продолжали называться посадами, селами, погостами, а население их — крестьянами. К. Н. Сербина на примере истории Тихвинского посада хорошо показала, как происходил в XVII в. процесс отделения города от деревни. Если среди всего населения этого посада дворы торговых и промышленных людей составляли в конце XVI в. 51,5%, то к концу XVII в. они составили уже 84,5%. В то же время удельный вес населения посада, занимавшегося сельским хозяйством (пахотные люди), неуклонно снижался (в 1582 г. они составляли 29% всего тяглого населения, в 1678 г. — 19%, в 1685 г. — 15%, в 1697 г. — 13,8%). Процесс превращения села в город определенно обозначился в XVII веке. Растущая сеть новых торгово-ремесленных центров, в сущности, ничем не отличавшихся от городов, дополняла крупные национальные центры экономической жизни страны. Таким образом, изучение торговых связей городов, посадов и рядков опровергает представление о замкнутости хозяйственной жизни отдельных районов России в XVII веке¹⁴.

В неразрывной связи с этими экономическими явлениями происходили важные социальные и политические процессы, без изучения которых нельзя представить конкретно-исторические условия образования русской нации.

Еажнейшим социальным процессом было наметившееся к исходу XVII в. начало постепенной деформации, а затем и разложения старых феодальных классов-сословий русского средневекового общества. Изменения, происходившие во всех слоях русского общества, были объективно направлены на упрощение состава общества, уменьшение числа его различных прослоек и групп. В этом отношении сближение вотчинников и по-

¹³ Процесс складывания всероссийского рынка освещен в работах советских ученых: К. В. Базилевич. Торговля Великого Устюга в середине XVII в. «Ученые записки Института истории РАН ИОН». Т. 4. М. 1929; И. С. Макаров. Пушной рынок Соли-Вычегодской в XVII в. «Исторические записки». Кн. 14. М. 1945; С. И. Сакович. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVII в. «Исторические записки». Кн. 20. М. 1946; С. В. Бахрушин. Торги повгородцев Кошкиных. «Ученые записки МГУ». Вып. 41. М. 1940, а также другие работы этого автора в книге: С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2. М. 1954; К. Г. Митяев. Обороты и торговые связи смоленского рынка в XVII в. «Исторические записки». Кн. 13. М. 1941; Е. В. Чистякова. Псковский торг в середине XVII в. «Исторические записки». Кн. 34. М. 1950; А. И. Андреев. Новоторговый устав 1667 г. «Исторические записки». Кн. 13. М. 1941; Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в середине XVII в. «Исторические записки». Кн. 39. М. 1952; К. В. Базилевич. Крупные торговые предприятия в Московском государстве в первой половине XVII в. Л. 1933; Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Васильсурска в XVII в. «Исторические записки». Кн. 40. М. 1952; И. С. Макаров. Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в. «Исторические записки». Кн. 1. М. 1938; Н. И. Привалова. Торги города Касимова в середине XVII в. «Исторические записки». Кн. 21. М. 1947; А. А. Новоселский. Из истории донской торговли в XVII в. «Исторические записки». Кн. 26. М. 1948; Д. И. Тверская. Москва второй половины XVII века, как центр складывающегося всероссийского рынка. Автореферат. М. 1953; «История Москвы в шести томах». Т. 1. М. 1952.

О месте и значении внешней торговли в России XVII в. для консолидации национального рынка см.: Н. А. Бакланова. Ян де-Грон — прожектор в Московском государстве XVII в. «Ученые записки Института истории РАН ИОН». Т. 4. М. 1929; П. П. Смирнов. Экономическая политика Московского государства в XVII в. Киев. 1912; С. В. Бахрушин. Научные труды Т. 2; С. И. Архангельский. Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в. «Исторический сборник». М.-Л. 1936. № 5; «Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII в. и в начале XVIII в.». М. 1928. («Труды Государственного исторического музея», Вып. 4); С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. «Труды Института истории РАН ИОН». Вып. 1. М. 1926; то же в его книге «Научные труды». Т. 3, ч. 1. М. 1955.

¹⁴ К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.-Л. 1951, стр. 428, 430, 433.

4. «Вопросы истории» № 7.

мещиков, отмена местничества в 1682 г., консолидация боярства и дворянства, вполне закрепленная уже в начале XVIII в., так же показательны, как и одновременно происходившее сближение холопов и крестьян.

На основе развития товарно-денежных отношений становятся заметными первые шаги в складывании новых социальных слоев, кадров для классов буржуазного общества. Элементы социальной дифференциации старых классов-сословий наблюдались прежде всего в городе, затем в районах, прилегающих к большим путям сообщения, и в деревне, хотя там они были выражены значительно бледнее. Эти социальные процессы в русском городе и деревне XVII в. и связанные с ними явления классовой борьбы хорошо показаны в исследованиях советских историков М. Н. Тихомирова, С. В. Бахрушина, П. П. Смирнова, К. В. Базилевича, Н. В. Устюгова, в недавно появившихся новых работах А. М. Панкратовой, К. Н. Сербиной, С. И. Архангельского, И. В. Степанова¹⁵.

В связи с развитием товарного производства стало заметно расти число людей, частично или полностью порывавших с сельским хозяйством и переходивших к иным видам общественно полезного труда. Голытьба среди казаков, гулящие работные люди и просто работные люди, наймиты, ярлыжки, отмеченные переписью 1678—1679 гг., — все эти пестрые и разнообразные общественные элементы складывались в новую социальную силу. Эта сила постепенно росла, пополняясь выходцами из крестьян, ремесленников, низов посадского населения. В Москве, Туле, Ярославле, Нижнем Новгороде, Астрахани, Соликамске, в Поволжье, на севере Каспия, на Оке, в Поморье, на Сухоно-Двинском пути и на всем пути из Москвы в Архангельск в связи с усиливавшимся процессом освобождения непосредственных производителей от средств производства (освобождения, которое происходило как на основе расширения феодально-крепостнической эксплуатации, так и на основе роста товарного производства и складывания всероссийского рынка) постепенно создавались кадры рабочей силы, выступившей впоследствии на рынке в качестве товара.

В работе «Наймиты на Руси в XVII веке» А. М. Панкратова показала тяжелое положение этих ранних кадров наемных людей в России. Конкретные материалы свидетельствуют о том, как часто эти наемные люди превращались в крепостных в условиях феодальной Руси XVII века. Но те же материалы убедительно засвидетельствовали появление в Русском государстве значительного слоя людей, работавших по найму, существовавших благодаря продаже своей рабочей силы.

В «Очерках по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX веков» С. И. Архангельского на основе источников прослежена генетическая связь и преемственность между гулящими и работными людьми, между наймитами и крестьянами-отходниками XVII в., связывавшими свою судьбу с городами, и первыми кадрами промышленного пролетариата Нижегородского района в XIX веке. Выдающийся интерес представляют приложенные к исследова-

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года. М.-Л. 1935; его же. Новгородское восстание 1650 года. «Исторические записки». Кн. 7. М. 1940; С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2. М.-Л. 1953; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1—2. М.-Л. 1947—1948; К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936; К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв.; С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX веков. Горький. 1950; И. В. Степанов. Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в. («Ученые записки Ленинградского государственного университета». Серия историческая. Вып. 14. Л. 1949); его же. Гулящие работные люди в Поволжье. «Исторические записки». Вып. 36. М. 1951; Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. «Исторические записки». Кн. 6. М. 1940; А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М. 1952; А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. Т. 1. М.-Л. 1943; «История Москвы». Т. 1. М. 1952.

нию Архангельского данные о приливе в Нижний Новгород населения из деревни в 40-х годах XVII в. и о занятиях в городе крестьян, бобылей, дворовых людей, крестьян митрополичьей вотчины, которые кормятся своей работой, служат работниками на судах, сидят в лавке, торгуют крупами, скупают хлеб и животину в уезде и, привезя и пригнав в Нижний, продают, промышляют рогозинами, работают кормщиками, плотниками, портными, кузнечничают, кормятся черной работой и т. д.¹⁶ Протесты и борьба судовых рабочих на Сухоно-Двинском водном пути уже в первой половине XVII в., участие гулящих, наемных, работных людей в движениях, связанных с именами С. Т. Разина, К. А. Булавина и др., свидетельствуют о том, что этот слой людей начал превращаться в заметную социальную силу¹⁷.

С другой стороны, происходил процесс консолидации купечества, сосредоточения в руках отдельных купеческих семей больших капиталов. Поощрительные меры правительства для купцов и торговых людей, которые открывали промышленные предприятия, содействовали превращению этих людей в заметную и влиятельную в экономическом отношении социальную группу. Гости и торговые люди гостинной и суконной сотен овладевали внутренней и внешней торговлей России. С купечеством обличались крупные феодалы из царского окружения, вроде Б. И. Морозова, связывавшие свое хозяйство с купеческим капиталом. Шорин в Москве, Стоянов в Новгороде, Емельянов в Пскове, несколько позднее Демидов в Туле или Затрапезный в Ярославле превращались в силу, с которой считались не только местные воеводы, но и царское правительство¹⁸. Купеческий капитал вставал рядом с феодальным хозяйством. Этот капитал еще обслуживал нужды феодального хозяйства, потребности казны, то есть потребности феодального государства, но в то же время он обслуживал растущий товарный оборот, начинал овладевать товарным производством, играть все более заметную роль в процессе консолидации всероссийского национального рынка. Говоря словами В. И. Ленина, капиталисты-купцы были руководителями и хозяевами этого процесса. Создание национальных связей всероссийского рынка было созданием буржуазных связей. Однако капиталисты-купцы XVII в. не были равнозначны по своей социально-экономической сущности капиталистам, торгово-промышленной буржуазии эпохи капиталистической формации. В условиях феодально-крепостнической России XVII в. капиталисты-купцы являлись социальной группой феодального общества, представителями нарождавшегося купеческого класса как одного из классов крепостной России. Несомненно, однако, что генетически эти капиталисты-купцы в их историческом развитии связаны с последующим формированием класса буржуазии в России, как класса капиталистического общества. Сам по себе купеческий (торговый) капитал, поскольку он оставался в сфере товарного обращения, конечно, не мог породить капиталистического производства. Но купеческий капитал не мог не соприкасаться с товарным производством. Купеческий капитал создавал условия для возникновения нового способа производства¹⁹. Позднее, в конкретных условиях конца XVII — начала XVIII в., от-

¹⁶ С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX веков, стр. 308—316, 3—59.

¹⁷ Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в., стр. 190—194.

¹⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 2, (особенно статьи: «Торговые крестьяне в XVII в.», «Агенты русских торговых людей XVII в.», «Торги новгородцев Кюшкиных»); К. В. Базилевич. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. «Известия Академии наук СССР». Отделение общественных наук. 1932, № 2; М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР. Т. 1, стр. 178; Е. И. Заозерская. Торги и промыслы гостинной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. Сборник «Петр Великий». Т. 1. М. 1947.

¹⁹ В. Н. Яковлевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М. 1953, стр. 184, 186.

дельные обладатели этого капитала нередко играли заметную роль в создании капиталистического производства в России.

Таким образом, к исходу XVII в. стали намечаться первые контуры новой структуры будущего русского общества капиталистической эпохи. В этой структуре проявлялись черты именно буржуазной русской нации.

«Смутным временем» начался XVII век в истории России. «Бунташным временем» называли его середину и вторую половину, ознаменованные городскими восстаниями, крестьянской войной под предводительством С. Т. Разина, волнениями стрельцов и движением раскола. Острота социальных противоречий и некоторые новые черты классовой борьбы, характерные именно для XVII—XVIII вв., требуют особого внимания²⁰. Самым важным среди этих новых явлений было возникновение в России крестьянских войн. Сопrotивление крестьян расширению крепостной эксплуатации было известно на Руси задолго до рассматриваемого времени. Но только с XVII в. оно приобрело характер крестьянских войн. Три великие крестьянские войны под предводительством И. И. Болотникова, С. Т. Разина и Е. И. Пугачева явственно выделяют XVII—XVIII вв. в общей истории классовой борьбы в России. Две из этих войн произошли в XVII веке. Употребляя понятие «крестьянская война», нельзя представлять себе это сильнейшее проявление классовой борьбы как войну одних только крестьян. Известно, что в крестьянских войнах участвовали также и другие эксплуатируемые социальные слои тогдашнего русского общества. Крестьянские войны были направлены против усиления и расширения крепостнической эксплуатации, против массового разграбления феодалами дворцовых и черных земель — тем самым объективно они были направлены и против феодально-самодержавного порядка, приобретающего с середины XVII в. черты, типичные для абсолютизма.

Крестьянские войны перемежались с городскими восстаниями и волнениями 1648, 1650 и 1662 гг. в Москве, Новгороде, Пскове, Владимире, Устюге Великом, Соли Вычегодской, Курске, Козлове, Романове, в городах Приуралья и Сибири, восстанием 1668—1676 гг. Соловецкого монастыря, движением Василия Уса в 1666 г., попыткой продолжения восстания С. Т. Разина на Дону в 1682 г., стрелецкими бунтами 1682 и 1698 годов. Если крестьянские войны прежде всего были направлены против бояр и дворян, то в городских восстаниях посадские низы выступали обычно против так называемых «лучших людей», то есть эксплуататорской богатой верхушки городов. Участие в крестьянских войнах и городских восстаниях гулящих, работных и наемных людей придавало этим движениям новые черты, заметно отличавшие их от проявлений классовой борьбы в предшествующие столетия. Огромный размах классовой борьбы в XVII в. имел немаловажное значение в определении общих условий конкретно-исторической обстановки, в которой совершался процесс образования русской нации.

²⁰ О росте и обострении классовой борьбы в XVII в. см.: П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1—2. М. 1947—1948; М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.-Л. 1935; М. Н. Тихомиров. Новгородское восстание 1650 г. «Исторические записки». Кн. 7. М. 1946; С. В. Бахрушин. Московское восстание 1648 г. (в его книге «Научные труды». Т. 2); К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936; Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки». Кн. 4. М. 1938; А. Н. Штраух. Стрелецкий бунт 1682 г. М. 1928; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. М. 1954; М. Сменцовский. Степан Разин в науке, литературе и искусстве (Библиографический указатель). «Каторга и ссылка». 1932, №№ 7—8, 9; Е. Стецюк. Влияние повстання Степана Разина на Україну. Київ. 1947; И. И. Смирнов. Восстание И. И. Болотникова. М. 1951; С. К. Богоявленский. Хованщина. «Исторические записки». Кн. 10. М. 1941; Е. М. Тальман. Борьба посада Ярославля с светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в. «Исторические записки», кн. 20. М. 1946; И. А. Булыгин. Белые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. «Исторические записки». Кн. 43. М. 1953.

История государственной жизни России в XVII в. отмечена усилением значения самодержавия. «Соборное уложение» 1649 г. своим определением природы, характера и объема царской власти закрепило существенный этап в оформлении идеологии абсолютной монархии в России. С 1653 г. фактически прекратилась практика созыва земских соборов. Призрачной стала власть Боярской думы. Существенно усилились учреждения бюрократические, какими были приказы. Со второй половины XVII в. вполне определился переход к абсолютизму. Этот переход завершился установлением абсолютизма лишь при Петре I, но ведь именно царствование Петра соединяет XVII и XVIII вв. в истории России. Переход к абсолютизму и укрепление центральной власти вели к усилению угнетения масс, к росту фискального гнета, что, в свою очередь, обостряло социальные противоречия и классовую борьбу. Начало перехода Русского государства в XVII в. к абсолютизму означало не что иное, как вступление страны в переходную эпоху от феодализма к капитализму, когда происходит образование наций в условиях роста и укрепления буржуазных связей.

Историческое развитие абсолютной монархии в России в течение XVII, XVIII и XIX вв. шло в направлении к буржуазной монархии²¹. Развитие русского государственного строя в течение трех веков в указанном направлении свидетельствовало о синхронно происходившем процессе образования и развития русской нации. Однако развитие русского государственного строя в буржуазном направлении происходило довольно медленно. Известно, что процесс превращения абсолютной феодальной монархии в монархию буржуазную полностью так и не завершился вплоть до падения самодержавия в России. Самые шаги в сторону превращения феодальной монархии в буржуазную совершались самодержавно-дворянской властью только под напором борьбы трудящихся и эксплуатируемых масс, под ударами революционного движения, в обстановке острых политических кризисов. Замедленность движения абсолютной монархии в сторону буржуазной монархии, разумеется, осложняла процесс образования и развития русской нации.

Все вышензложенные новые явления в социально-экономической и политической жизни русского народа оказали свое влияние на историю русского языка и на духовную жизнь русского общества.

Формирование национальных экономических и культурных центров, возросшая подвижность населения, усиление бюрократического аппарата, развитие государственного законодательства, наконец, рост международного авторитета России — все это нашло отражение в истории русского языка. Материалы XVII в. свидетельствуют о превращении языка русской народности в язык образовавшейся русской нации²². «Литературный язык и основные письменные памятники XVII в. запечатлели процесс

²¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 117.

²² В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М. 1938; П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г. М. 1953; П. Я. Черных. Происхождение русского литературного языка. М. 1950; Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова. Вопросы изучения диалектов языков народов СССР. «Вопросы языкознания». 1953, № 5; А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М. 1954.

Автор, попытавшийся подойти к проблеме становления национального русского языка как историк и использовавший не столько историко-лингвистический, сколько общелитературный материал, также пришел к выводу, что XVII век был временем, когда закладывались основы языка русской нации, разумеется, продолжавшего оформляться и развиваться и в последующее время. См. И. М. Ионенко. Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка. «Вопросы истории». 1952, № 7, стр. 89—100. См. также Г. И. Зикеев. К вопросу об исторических условиях развития русского национального языка на основе курско-орловского диалекта. «Вопросы истории». 1953, № 2.

формирования национального русского языка»²³. Именно во второй половине XVII в., по утверждению В. В. Виноградова, резко проявился внутренний распад системы церковнославянского языка, обозначившийся еще в XVI в.; в то же время в русском литературном языке началось развитие национально-демократических стилей. Но образование общенациональных фонетических и орфографических норм литературного языка, разумеется, завершилось значительно позднее²⁴.

Заметно усилилась объединительная роль литературного языка как основы национального русского языка. Возникновение и укрепление абсолютизма в России, рост международного значения Русского государства, в частности, в связи с присоединением Украины к России в 1654 г., были важными факторами, содействовавшими выполнению литературным языком его объединительной роли. Памятники XVII в. указывают на существенное расширение и развитие словарного состава, на вовлечение в литературный язык множества диалектных слов. Диалектная основа формировавшегося в XVII в. языка русской нации была несколько иной, нежели та, которая была характерна для языка русской (великорусской) народности XIV—XVI веков.

Историки русского языка отмечают появление в это время многих новых общественных и публицистических терминов, как правило, образовывавшихся за счет национальных русских источников (например, слова *допрос*, *допросить*, *начальник*, *начальство*, *начальные люди*, *чиновник*, *думчий*, *думный*, *служилый*, *служивый* в значении «тот, кто служит»; еще с XV в. начало употребляться слово *государство*, в XVII в. возникло не менее важное новое слово *подданство*, в XVI—XVII вв. в употребление вошли слова *оклад*, *договор*, *иноземец* и т. д.).

Появившиеся в XVII в. первые печатные грамматики церковнославянского языка представляли первую попытку грамматической нормализации литературного языка, которая обеспечивает его устойчивость и является одной из характерных особенностей в истории языка периода образования нации. Наиболее известной попыткой такой нормализации была грамматика Мелетия Смотрицкого (первое издание 1619 г., московское издание без указания имени автора 1648 г.). Однако эти попытки грамматической нормализации церковнославянского языка как базы для русского литературного языка были осуждены на неудачу всем ходом русской жизни и появлением ряда новых явлений в литературном языке.

По мнению лингвистов, одной из характерных закономерностей в истории языка периода становления нации является ярко выраженная тенденция к сближению литературного языка с народно-разговорной речью²⁵. Такая тенденция стала заметной именно в XVII в., когда обозначилось сильное проникновение элементов народно-разговорной речи в русский литературный язык.

Это проникновение наиболее ярко отражено в замечательном памятнике русской литературы — «Житии протопопа Аввакума» (1672—1673 гг.). Высокообразованный представитель духовенства, Аввакум в своем «Житии» сознательно употреблял, пользуясь его же собственными словами, «просторечие», «природный русский язык». Обращаясь к читателям, автор просил: «Не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык... Вот что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродельми хочет; того ради я и небрегу о красноречии и не уничижаю своего языка русско-

²³ А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М. 1953, стр. 125.

²⁴ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., стр. 5, 34—41, 46—47.

²⁵ Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова. Вопросы изучения диалектов языков народов СССР. «Вопросы языкознания». 1953, № 5, стр. 34.

го...»²⁶. В другом своем сочинении, «Книге толкований», Аввакум еще определеннее выразил свой взгляд на просторечие. Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, он писал: «Воздохни-тко по-старому... добренько, и рцы по русскому языку: господи, помилуй мя, грешного!.. Ты, ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничай его и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кириллом святым и братом его: Чево же нам еще хочется лутше того? Разве языка ангельска?»²⁷. Язык протопопа Аввакума — яркое свидетельство расширения в XVII в. лексико-фразеологической, диалектной и структурно-грамматической основы литературного языка²⁸.

Но не только житие Аввакума — любой письменный памятник XVII в. показывает большую или меньшую в отдельных случаях утрату четкой разницы между стилями церковно-богослужебного характера и стилями светской письменности. Многообразие и пестрота стилей литературного языка характерны для русских письменных памятников XVII века²⁹. Место церковнославянского стиля в русском литературном языке начали занимать народное просторечие и язык деловой переписки, получивший значение государственного языка. В совокупности этих явлений выпукло отразились особенности процесса превращения языка русской народности в язык русской нации.

Новые явления в духовной жизни русского общества, в его культурной истории могут быть правильно истолкованы исторической наукой только в связи с наиболее существенными, важными и все определяющими социально-экономическими и политическими процессами и событиями истории России в XVII веке. Среди этих процессов и событий прежде всего необходимо указать на складывание всероссийского национального рынка, на великие крестьянские войны под предводительством И. И. Болотникова и С. Т. Разина, на городские восстания середины XVII в., на присоединение Украины к России в 1654 г. и войны Русского государства за воссоединение Белоруссии с Россией, наконец, на грандиозные события борьбы русского народа за независимость, его освободительную войну против иностранной интервенции в начале XVII века. Именно эти процессы и события определяли, в конечном счете, перемены в духовной жизни русского общества, в истории его культуры. Под определяющим воздействием этих процессов и событий формировалась та общность психического склада, которая проявлялась в общности культуры. В этих событиях проявилось развитое национальное самосознание русского общества, множеством фактов наглядно свидетельствуя о том, что носителем такого сознания могла быть только нация. Наконец, весьма серьезное значение для перемен в духовном облике русского общества того времени имела возрастающая роль России в международной жизни.

В просвещении и образовании, в литературе, в живописи, в архитектуре, в музыке и народном словесном творчестве XVII в. появляются новые элементы, генетически связанные с последующей историей русской культуры в XVIII—XIX веках. Вся совокупность перемен в культуре и искусстве, в церкви, верованиях и быте говорит об общем кризисе средневекового мировоззрения в России, о зарождении нового, светского мировоззрения, высвобождавшегося от многовековой ферулы церкви и религии и устанавливавшего все более крепкую связь с просвещением и наукой.

²⁶ «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». Редакция Н. К. Гудзия. М. 1934, стр. 63.

²⁷ Там же, стр. 247—248.

²⁸ А. И. Ефимов. История русского литературного языка, стр. 135.

²⁹ Там же.

Церковь в русском средневековом обществе занимала место рядом с государством. Авторитет церкви был непререкаем. Раскол русской церкви, формально закрепленный постановлениями церковного собора 1666 г., отразил кризис средневекового мировоззрения в русском обществе. Раскол с момента его возникновения был широким общественным движением³⁰. Крестьяне и посадские люди, казаки и «вольница» вместе с монахами и белым духовенством, вместе с отдельными представителями феодальных верхов принимали самое деятельное участие в религиозно-церковной борьбе. Никон своими реформами и церковный собор 1666 г., утвердивший эти реформы и лишивший Никона патриаршего престола, объективно, независимо от своих желаний и намерений, нанесли не меньший удар по церкви, чем их противники-расколоучители во главе с протопопом Аввакумом. Массы, втянутые в движение раскола, не интересовались тонкостями разногласий среди духовенства. Но именно участие масс закрепило объективный факт начала утраты русской церковью ее единства, ее духовного единовластия над умами русского общества. Не случайно стихийная борьба крестьянства против крепостничества во второй половине XVII и в XVIII в. часто была связана с раскольниками, со «старой верой». Раскол русской церкви в XVII в. объективно имел такое же значение в истории русского общества, какое имела в XVI в. реформация в Западной Европе. Религиозная оболочка реформации и раскола не может помешать историку обнаружить под ней наступление конца феодального церковно-религиозного мировоззрения. Разумеется, не расколоучители и не сам по себе раскол представлял новое. Элементы нового, внесение духа «здорового смысла» в окостеневшую церковную обрядность, присущее реформам Никона, в конечном счете также служили лишь средством усиления власти господствующей церкви над умами и душами людей. Не с ними, не с Никоном, не с Аввакумом связывалось развитие нового, светского мировоззрения. Наоборот, церковники и раскольники были наиболее упорными противниками всего нового. Но объективно раскол русской церкви содействовал разрушению единоличной власти церкви над умами русского общества и тем самым содействовал высвобождению русского общества от церковных пут.

В связи с новыми социально-политическими явлениями возникла довольно заметная тяга всех слоев населения к просвещению, к образованию, к грамотности в широком смысле слова. Сильнее всего эта тяга чувствовалась среди посадского населения, отчасти среди крестьян (прежде всего Севера). С этой тягой к просвещению связан и выпуск Московским печатным двором букварей в течение второй половины XVII в. в количестве более 300 тыс. экземпляров, до 150 тыс. экземпляров учебных псалтырей и часословов, а также возникновение школ, как частных, так и государственных. Первую государственную школу в Москве организовал в 1665 г. Симеон Полоцкий. В 1687 г. была открыта в Москве Славяно-греко-латинская академия (училище).

О сдвиге в общественном сознании и кризисе старого мировоззрения и старых форм культуры особенно ярко свидетельствует история развития научных знаний в России, история литературы и искусства. Окончательно завершается многовековое русское летописание. Место летописных сводов, характерных для исторической мысли русского средневековья, заменяют исторические повести и сказания, а затем новый жанр — мемуары (И. А. Желябужский, С. Медведев, А. Матвеев и др.). Далее следуют первые попытки написания нового типа исторических сочинений, как бы предвещающих будущую русскую историографию первой половины и середины XVIII в., связанную с именами В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова

³⁰ М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР. Т. I, стр. 168; В. О. Ключевский. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. В его книге «Очерки и речи». Сборник 2. Пгг. 1918.

(«История» дьяка Ф. А. Грибоедова, сборник исторических сочинений, известный под названием «Хроники» Феодосия Сафоновича, «Синопис» Иннокентия Гизеля). Появление элементов нового, светского мировоззрения проявилось также в расширении и углублении географических знаний («Книга, глаголемая Большой Чертеж», деятельность С. У. Ремезова, его «Чертежная книга Сибири», труды русских первооткрывателей земель и водных пространств на востоке и северо-востоке России).

Литературное творчество XVII в. стало общерусским, глубоко национальным. Светское содержание заполняло произведения художественной литературы. Сатирические сочинения XVII в., проникнутые глубоким демократизмом, противопоставлялись старой церковно-житийной литературе³¹. К сатирической литературе вплотную примыкали бытовые повести о Карпе Сутулове, о Фроле Скобееве, о Савве Грудыне, о Горе-Злосчастье и др. Вместе с оригинальной русской литературой появлялись многочисленные переводные художественные произведения. В народном словесном творчестве, в частности в песенном творчестве русского народа, произошли глубокие, коренные перемены не только в тематике, но и в характере жанров и приемов. Появились целые циклы песен, связанных с борьбой народа против крепостничества. Таков известный фольклорный цикл о С. Т. Разине, включавший не только песни; таковы «песни вольницы». Широкой выразительной распевностью стал характеризоваться музыкальный склад новых лирических песен, называемых в народе «протяжными», или «проголосными»³².

Наметились крупные сдвиги также в музыке того времени, связанной почти исключительно с церковным бытом. Большая и острая полемика развернулась по вопросам церковно-певческого искусства. Довольно богатая литература запечатлела эту полемику («Послание» к патриарху Гермогену неизвестного автора начала XVII в., руководство к чтению знамен белорусского ученого монаха Александра Мезенца «Азбука знаменного пения», труд украинского композитора Николая Дилецкого, изданный в Москве в 1679 г. под названием «Мусикийская грамматика», введение к труду Дилецкого, написанное московским дьяконом Иоанном Корневым и названное им «Мусикия» — музыка). Старое знаменное пение вытесняется новым стилем в пении — партёсным (от *partes* — партия, пение по партиям), многоголосным пением западного образца³³. Музыка перестает играть исключительно роль служанки церкви, она появляется в светском театральном спектакле, когда в Москве в 1672 г. возник придворный театр. Зарождается новый жанр вокальной лирики, правда, еще почти исключительно духовной по текстам. В целом XVII век в истории русской музыки составляет рубеж, с которого началось зарождение в России светской профессиональной музыкальной культуры³⁴, становление которой знаменовало начало развития русской национальной музыки.

Явления и факты из истории русской архитектуры и живописи в XVII в. также говорят о зарождении общерусской национальной культуры. XVII век дал новый общерусский стиль архитектурных памятников, как церковных, так и светских (так называемый «нарышкинский стиль»), тесно связанный с украинским и белорусским зодчеством, а через них с некоторыми элементами барочного стиля романской Юго-Западной Европы. В творчестве выдающегося художника Симона Ушакова и его школы, в трактате о живописи «изуграфа Иосифа» (Владиминова), написанном около 1664 г., в росписях ярославских и костромских храмов

³¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.-Л. 1937; Русская демократическая сатира XVII века. М.-Л. 1954.

³² Ю. Келдыш. История русской музыки. Ч. I. М.-Л. 1948, стр. 93—95.

³³ Там же, стр. 103—105.

³⁴ Т. Ливанова, М. Пекелис, Т. Попова. История русской музыки. Т. I. М.-Л. 1940, стр. 77—78.

рельефно выступило новое, реалистическое направление в русской живописи³⁵. Иконопись начинает тесниться со стороны парсуны — зарождающейся портретной живописи. Правда, парсун дошло до нас немного, и часть их была написана иностранцами. Это обстоятельство не может, однако, уменьшить значение нового факта — возникновения портрета как изображения живого индивидуального образа человека, а не условных обобщенных ликов «святых» иконописи эпохи феодализма. Теоретики искусства того времени открыто заговорили о необходимости новой трактовки даже ликов святых. Художник и писатель по вопросам искусства Иосиф Владимиров в своем трактате о живописи смело обличал тех «несмысленных любителей», которые в стиле традиций обветшавшей иконописи требовали «писать образы мрачные и неподобные», утверждали обязательность изображения лиц святых «смугло и темновидно». По глубокому убеждению реалистически мыслявшего автора этого трактата, «премудрый художник» должен своею живописью изображать «все, что он видит и слышит». Реалистический подход к изображению живых людей в парсунах, и особенно святых в иконах нового направления, вызывал гневный отпор со стороны ревнителей старины. Аввакум горевал: «Пишут спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстые, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано... Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев!»³⁶. Но реалистические начала новой русской живописи властно пробивали себе дорогу. Зарождалась светская русская живопись, высвобождавшаяся из-под опеки духовенства.

Сжатый обзор важнейших явлений в духовной жизни русского общества XVII в. показывает, что изменение общего психического склада русских людей шло в одном определенном направлении. Памятники научной, литературной, музыкальной, живописной, архитектурной мысли и творчества русских людей свидетельствуют о зарождении тогда нового, светского мировоззрения и светской культуры в России.

Важной и характерной чертой нового мировоззрения было присущее его носителям сознание принадлежности русского народа к числу народов Европы, а Русского государства к числу европейских государств. Этому сопутствовало заметное усиление проникновения западноевропейских элементов в Россию в XVII в., сильная тяга к ознакомлению и сближению с народами государств Западной Европы.

Новый период в истории русской культуры начался с тех изменений, которые вполне определились к исходу XVII века. Петровские преобразования в области просвещения, культуры и быта никак нельзя рассматривать как насильственное внесение в уклад русской жизни чужеродных начал. В действительности эти преобразования получили свое большое значение в культурной истории России только потому, что явились осознанным и волевым устремлением к скорейшему укреплению и расширению тех культурных начал, которые явственно обозначились в русской культуре уже во второй половине XVII в. и которые представляли собой назревшую общественную, национальную потребность.

Зарождение и развитие нового, светского мировоззрения и светской культуры в России XVII в. означало не что иное, как формирование но-

³⁵ Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.-Л. 1941, стр. 85—96; А. Леонов. Симон Ушаков. М.-Л. 1945; о трактате И. Владимирова см.: Ф. И. Буслаев. Русская эстетика XVII века (в сборнике трудов Буслаева «Древнерусская народная литература и искусство». Т. 2. СПб. 1861); переводы отрывков из трактата И. Владимирова на современный русский язык см. сборник «Мастера искусства об искусстве». Т. IV. М.-Л. 1937.

³⁶ «Житие протопопа Аввакума...», стр. 210 и 211.

вой общности специфических особенностей, характеризующих складывавшуюся культуру русской буржуазной нации.

Изменения психического склада русских людей в XVII в. имели свои специфические, различные проявления в жизни разных классов и социальных слоев образовывавшейся нации. Хотя понятие «нация» обнимает все классы и слои общества, хотя нация — явление общенародное, тем не менее единство разных социальных слоев нации в условиях классового антагонистического общества уже с самого начала образования нации было подвижным и изменчивым единством. Изучение борьбы классов в истории культуры, в ее памятниках — важнейшая обязанность советских историков культуры.

Итак, процесс образования русской нации вполне определился в XVII веке. Экономические, социальные, политические, языковые, культурные явления в истории наших предков XVII в. позволяют говорить об образовании русской нации как нации буржуазного типа.

Все классы и социальные слои русского общества того времени были вовлечены в процесс образования русской нации. Огромную роль в обеспечении исторической возможности образования русской нации имели трудящиеся и эксплуатируемые массы, крестьяне и горожане русской деревни и города, разнообразные слои первых кадров предпролетариата. Прежде всего их трудовые усилия по созданию материальных благ, необходимых для существования всего общества, по обеспечению развития производительных сил, их классовая борьба, направленная против феодализма и засилия богатей, обеспечивали движение вперед русского общества, складывание русских людей в новую, более высокую, чем предшествующие, социальную общность — нацию буржуазного типа. Заметное участие в образовании русской нации принимали и феодалы, особенно в лице дворянства; весьма видную и во многом определяющую роль играли купцы, промышленные люди и другие представители зарождавшейся буржуазии.

Как и всякое историческое явление, нация изменялась в ходе истории. Одно конкретно-историческое содержание имели общие признаки русской нации в начале ее образования в XVII в., несколько иное конкретно-историческое содержание было характерно для времени Петра I и его ближайших преемников, то есть для времени, которое следует определять как время продолжения образования русской нации. Процесс образования русской буржуазной нации, видимо, завершился примерно к концу первой половины XVIII века. К этому времени вполне определившийся в XVII в. процесс концентрирования местных рынков в один всероссийский рынок был существенно скреплен таким важным фактом, как отмена внутренних таможенных сборов в Великороссии и русско-украинской таможенной черты. Появление М. В. Ломоносова и создание Московского университета в истории русской национальной культуры также выразительно говорят о завершении образования русской нации.

Нетрудно представить себе в общих чертах изменения конкретно-исторического содержания признаков русской нации в период, когда в России вполне определилось развитие капиталистического производства.

Ясно, что русская буржуазная нация капиталистического периода русской истории, наступившего после 1861 г., характеризовалась иным конкретно-историческим содержанием основных признаков нации, нежели русская нация времен крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Социальный процесс образования и истории русской буржуазной нации, ее начала и конца охватывает несколько столетий.

Крах капитализма в России в результате Великой Октябрьской социалистической революции был одновременно концом буржуазной рус-

ской нации. Вместе с тем победа Октябрьской революции положила начало возникновению русской социалистической нации.

Наметим важнейшие грани в истории русской буржуазной нации за время с XVII до начала XX века.

Определенной и очень важной гранью в истории русской нации следует признать примерно середину XVIII в. — время, с которого начинается заметное развитие капиталистического производства в России. Грандиозные события третьей в истории России XVII—XVIII вв. крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева знаменуют собою приближение разложения крепостного строя в России. Крестьяне и рабочие люди поднялись в ответ на усиление крепостничества. Подъем антифеодальной борьбы масс в условиях капиталистического развития вызвал зарождение революционной идеологии в России в лице А. Н. Радищева и других передовых русских деятелей. Распространение революционной идеологии внесло существенно новые черты в духовный облик нации.

Важнейшей гранью в истории русской буржуазной нации было падение крепостного права в 1861 г. — время вполне определившейся окончательной победы капитализма над феодализмом в России. С этого поворотного события русская нация приобретает все те черты, которые характерны для буржуазных наций эпохи развитого капитализма.

Новое социально-экономическое и идейно-политическое содержание, изменившаяся классовая структура характеризуют русскую буржуазную нацию на новом этапе истории России, который определился на рубеже XIX и XX вв. и характеризовался переходом от домонополистического капитализма к империализму. Непримиимые классовые противоречия, разъедающие буржуазную русскую нацию, выдвинули в это время на очередь дня проблему социалистической революции. Существенно видоизменяется условное «единство нации». Если в отношении первых стадий капитализма еще можно говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии, то теперь не может быть и речи об общности, когда два классово различных мировоззрения отчетливо противостоят друг другу, когда элементы демократической и социалистической культуры всей трудящейся и эксплуатируемой массы населения, возглавляемой пролетариатом, прямо выступают против господствующей буржуазной культуры. Давно прошло то время, когда, говоря словами В. И. Ленина и К. Маркса, рабочий класс «не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален»»³⁷.

В порядке постановки вопроса обратим внимание на характер и некоторые особенности русской нации в период буржуазного развития России. Очень важной особенностью русской нации было отсутствие в ее истории класса буржуазии как класса революционного. В силу определенных конкретных условий истории России русская буржуазия не сложилась в революционный класс. В связи с этим крестьянство, а затем рабочий класс и трудящееся крестьянство имели исключительно большее значение в истории и формировании характера русской нации. Полагая, что благодаря этим конкретным особенностям социально-политической истории русской буржуазии демократизм, сила и прочность революционных традиций составили наиболее характерные черты русской нации.

В свете всего сказанного представляются несостоятельными попытки отнесения образования русской буржуазной нации ко времени после 1861 г. или хотя бы даже к XIX в. в целом. Процесс образования русской буржуазной нации вполне определился еще в XVII веке. История образования и развития русской нации — одной из великих наций мира — протекала не в узких рамках пяти — шести десятилетий, а в течение примерно трех столетий.

³⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 56.